

**ББК 83.3(2Рос=Рус)
УДК 82.091**

В. В. Шадурский,
*кандидат филологических наук, доцент,
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого,
shadvlad@mail.ru*

ПОЛЬСКИЕ ПАТРИОТЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ МАРКА АЛДАНОВА

Статья анализирует два очерка Марка Алданова и фрагменты его романа, раскрывающие польскую освободительную тему. Доказывается серьезность, глубина выводов литературной работы Марка Алданова в раскрытии темы польского патриотизма. Определены способы раскрытия исторических деятелей Чарторыйского и Пилсудского в очерках «Адам Чарторыйский в России», «Пилсудский». Дана характеристика польскому патриоту – персонажу романа «Повесть о смерти».

Ключевые слова: Алданов, Чарторыйский, Пилсудский

У большинства российских литературоведов сложился стереотип: М. А. Алданов – это автор исторических романов и обычный беллетрист. И лишь меньшинство, защищая диссертации и публикуя небольшие работы об Алданове, думает иначе, видя в нем уж если не писателя первой величины, то весьма серьезного автора, повлиявшего на литературный процесс эмиграции первой волны.

Алданов писал много и о многом на разные темы. В нем проявился политик, исследователь, публицист, очеркист. Это странный автор, который словно бы зачарован великодержавностью Российской Империи, но при этом любит рассуждать о выдающихся личностях зарубежных государств. Его интерес к ярким политическим событиям и политическим фигурам стоил эмиграции из России, затем эмиграции из Франции, а потом и долгому книжному возвращению на родину. В спектре тем высоко эрудированного автора оказались персонажи истории Германии, Англии, США, Индии, Франции, Италии, Польши, России и СССР.

Не нужно быть особенным знатоком литературы, чтобы задаться вопросом: выбирая предметы для своих сочинений, не конъюнктурными ли соображениями руководствовался самый

читаемый писатель русского зарубежья? Да и вообще можно ли при таком разнообразном внимании к событиям разных стран быть глубоким и полезным автором? Вдруг и на польскую тему Алданов писал случайно? Случайно, а значит – неосновательно, несерьезно?

Ответы на эти вопросы и должны прояснить смысловую ценность текстов Марка Алданова. Итак, Алданов, находясь в эмиграции в 1920–1930-е годы, создает несколько произведений, в том числе о польских деятелях, которые, при всей сложности жизненного пути, посвятили себя служению Польше и прославились как герои-патриоты. Отметим, это патриоты, с которыми пришлось воевать России. Странно, что многие страницы Алданова посвящены Польше, ее лидерам, определившим многое в политике поляков и судьбе большой страны, но исследований, которые бы отметили эти алдановские характеристики, нами не обнаружено. Так, даже известные исследования польских филологов посвящены не аспекту Польши в содержании произведений Алданова, а вполне традиционно-исторической теме, историософии, теме случая и изображению исторических лиц¹. Мы останавливаемся на этих алдановских текстах и, в частности, на представленной Алдановым характеристике двух легендарных личностей – Адама Чарторыйского и Юзефа Пилсудского. Но также не можем не говорить и о третьей фигуре – Яне Виере, еще одном польском патриоте, правда, существующем только на страницах алдановского романа.

Чтобы охарактеризовать весь сюжет с польскими патриотами в творчестве Алданова, потребуется отступить от хронологии публикаций. Так, очерк «Пилсудский» был впервые опубликован в парижской газете «Последние новости» в 1929 г. еще при жизни великого маршала, впоследствии этот текст вошел во второй том книги Алданова «Портреты» (Берлин, 1931). Многостраничный очерк «Адам Чарторыйский в России» впервые публиковался только в 1935 г. в рижской газете «Сегодня», следующая его публикация состоялась во

¹ Грабиньска Гизела. Пьер Ламор как образ вечного Жида в тетралогии Марка Алданова «Мыслитель» // *Studia Rosika*. 2001. № 12. С. 53–65; Грабиньска Гизела. Его величество случай. О романе Марка Алданова Девятое Термидора // *Przegląd*. 2004. № 2 (106). С. 93–105; Грабиньска Гизела. Русские путешественники Николая Карамзина и Марка Алданова // *Rosja Literacka*. От Карамзина до Солженицына. Институт Русистики Варшавского университета. 2004. С. 61–74; Калита Лилиана. Незаурядные люди и их необычные судьбы в Портретах Марка Алданова / *Ročenka katedry slavistiky na Filozofii čké fakultě Univerzity Palackého* // *Rossica Olomucensia*. XLIV. (Za Rok 2005). 2 část. Olomouc, 2006. С. 391–396.

втором томе алдановской книги «Портреты» (Париж, 1936). Заметим, что образ польского князя появляется и в художественном тексте Алданова – в романе «Повесть о смерти», который публиковался в 1952–1953 гг.

Портрет Адама Чарторыйского, или Чарторыского (как напечатано в эмигрантских изданиях 1930-х годов), Алдановым создан позднее портрета Пилсудского, но по хронологии исторических событий нам интереснее сначала остановиться на облике и истории князя.

А. А. Чернышев, делясь своими наблюдениями над текстами Алданова, замечает, что «Адам Чарторыйский в России» и «Ольга Жеребцова» «начинаются с цитат из классических литературных произведений, а дальше подлинные события разворачиваются перед читателем, как сюжет авантюрного романа» [7, 78]. Хотя очерки написаны в разное время (история о знаменитой сестре Платона Зубова, красавице-авантюристке Ольге, была опубликована еще в 1926 г. в парижских «Днях»), пафос и функции вступительных эпизодов, а это цитаты из А. И. Герцена и Л. Н. Толстого, сходные. Цитаты несут значение эпиграфов к своеобразным рассказам; настроение, которое они передают читателю, – тоже общее. Повествователь «Былого и дум» оставляет двойственное впечатление, сообщая нелюбовь к важным персонам и уважение к их независимости, воли и уму. В «Адаме...» цитата из «Войны и мира» тоже играет двойственную роль: «Князь Андрей Болконский накануне Аустерлицкого сражения входит с Борисом Друбецким в Ольмюцкий дворец, где остановились императоры. Навстречу им из кабинета Александра I идет “невысокий человек в штатском платье, с умным лицом и резкой чертой выставленной вперед челюсти, которая, не портя его, придавала особенную живость и изворотливость выражению”. Этот человек пристально-холодным взглядом стал вглядываться в князя Андрея, идя прямо на него и, видимо, ожидая, чтобы князь Андрей поклонился ему или дал дорогу. Князь Андрей не сделал ни того, ни другого; в лице его выразилась злоба, и молодой человек, отвернувшись, прошел стороной коридора.

– Кто это? – спросил Борис.

– Это один из самых замечательнейших людей, но неприятнейших мне людей. Это министр иностранных дел, князь Адам Чарторыйский...

На первый взгляд, непонятно, зачем понадобилась Толстому эта сцена. Больше Чарторыйский у него не появляется нигде, ни разу. Между тем в художественных страницах «Войны и мира» лишнего нет

ничего. Сцена в самом деле была характерна и в психологическом, и в историческом смысле» [I, 53].

И все же в чем двойственность увиденного Болконским вельможи? И двойственность этого образа в очерке Алданова?

Алданов дает небольшой экскурс в историю и генеалогию: фамилия Чарторыйских «долго стояла за Россию и вела из-за этого борьбу с Потоцкими, которые ориентировались на Францию» [I, 54], «но таковы были исторические судьбы Польши, что из главных вождей русской партии Чарторыские превратились в злейших врагов России. Князь Адам уже был воспитан в чувствах жгучей ненависти ко всему русскому» [I, 54]. Алданов для включения в повествование самого князя Адама цитирует его воспоминания, довольно искренние и резкие. Чем же его слова могут быть интересны? Тем, что они вырастают как на признаниях Чарторыйского, на слухах современников, так и на свидетельствах, воспоминаниях, оставленных российскими государственными деятелями и опубликованными в журналах «Исторический вестник», «Русская старина». Алданов пытается найти причины, мотивацию некоторых поступков князя Адама. И даже во всем известной догадке о русском следе в происхождении Чарторыйского (якобы прижитого его матерью от князя Н. В. Репнина) обнаруживает огромное «психологическое значение» [I, 56]. Вместе с тем исторические повороты и, в частности, война с Россией, заставили юного Адама сформировать мировоззрение, которое, по мнению Алданова, с годами не изменилось: он стал сторонником короля Станислава и пламенным патриотом. Чарторыйские потеряли большинство своих земель после третьего раздела Польши. Появилось за что ненавидеть Россию. Однако Алданов, анализируя факты, допускает мысль, что князь мечтал не столько о реванше, сколько о власти: о своей кандидатуре на польский престол. Случай выручил его и подарил надежду, ведь вынужденная поездка примирившегося в Россию к императрице Екатерине обернулась головокружительной карьерой. Алданов иронизирует, говоря об открытии, сделанном юным князем, что русские такие же люди, как и все прочие. Он отмечает обстоятельства пути юного баловня судьбы: среди ее главных подарков – не титулы, звания и поместья, действительно посыпавшиеся на голову Адама, а знакомство с великим князем Александром Павловичем. Известно, что великий князь в то время очень увлекался либеральными идеями. Это знакомство, переросшее в дружбу, сделало Чарторыйского на несколько лет самым влиятельным человеком в России, более того в 1804–1806 гг. он станет даже министром иностранных дел. Удивлению многих русских аристократов не было предела, что еще вчера сражавшийся с русскими войсками польский князь возглавил иностранное ведомство вражеского

государства. И вот как раз для воссоздания психологической атмосферы Алданову приходится та сцена Толстого, она и становится началом повествования: «у Толстого очень верно подчеркиваются оба настроения: и политическое недоверие, и личное нерасположение к Чарторыйскому <...> русской знати того времени» [I, 69].

Мнение же русского князя – словно лакмусовая бумажка, определяющая истинную ценность и среды, и конкретной личности. Читатель должен стать настороже от такого сочетания: пусть Чарторыйский замечательный человек, но его не любит Андрей Болконский, – а значит, здесь есть место лицемерию и притворству, неочевидной фальши. Цитируя классиков, Алданов часто в разных произведениях использует единый литературный прием ввода исторических персонажей, после которого сюжет окунается в притовленную атмосферу двойственности и недоверия.

Интересно и то, какие именно черты внешности, в поведении Чарторыйского изображает Алданов: по словам графини В. Н. Головиной, Чарторыйский «был замкнут и молчалив, он выделялся своим серьезным лицом и выразительными глазами. Это был человек, способный возбудить страсть». Такую же черту он впоследствии передаст своему вымышленному персонажу «Повести о смерти» – Яну Виеру, ревностному патриоту Польши, мечтающему о славе.

Удивительно и то, что в этом очерке Алданов сделал выводы, которые до сих пор цитируют историки: «В первые 25 и последние 30 лет своей жизни Чарторыйский считался (и в значительной мере был) заклятым врагом России и всего русского», но «на посту русского министра иностранных дел он с полной искренностью служил России, – но служил ей только потому, что в ту пору считал ее интересы совпадающими с интересами Польши» [I, 69]. Чарторыйский, по собственному его признанию, имел основной целью создание наиболее благоприятных условий для восстановления независимости Польши в тех границах, которые она имела до первого раздела, «под главенством Русского Государя, носящего титул польского короля и в династической только унии с Россией». Эту цель он и положил в основу своей внешнеполитической стратегии. Стремясь привлечь к себе националистические польские круги, Александр I не отверг проекта Чарторыйского. Однако сближение России с Пруссией доказало Чарторыйскому нереальность его планов. В июне 1806 он вышел в отставку. Однако когда в 1812, когда покорный Наполеону I сейм Варшавского герцогства под председательством отца Чарторыйского призвал всех поляков к борьбе против России,

Чарторыйский отказался примкнуть к антирусскому лагерю. Впоследствии стал лидером кругов, выступавших за присоединение к Царству Польскому Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Восстание в Польше в 1830 году вновь выдвинуло Чарторыйского: он занял пост президента Сената, национального правительства, о нем даже стали говорить как о будущем короле Польши. Тщетность попыток Чарторыйского добиться поддержки восстания Западной Европой и возмущение граждан политикой правительства привели к его отставке, а подавление восстания вынудило его эмигрировать. За участие в восстании Чарторыйский исключен из службы, лишён княжеского титула и дворянства Российской Империи. Но, поселившись в Париже, всю свою долгую жизнь, до 92-го года занимался политикой, возглавляя аристократический лагерь польской эмиграции. так ли хотел окончить свою жизнь этот польский борец? Пытаясь представить и проанализировать смысл существования человека в той или иной исторической эпохе, Алданов показывает незначительную роль людских усилий в стремлении что-то изменить в мире. Более того, у Алданова усилия героев часто приводят не к тому, к чему они стремились. «Именно с этой точки зрения раскрывает судьбы Алданов таких своих героев, как Адам Чарторыский, все усилия которого принести независимость своей родине – Польше оказываются бесплодными. Более того, его вмешательство только ухудшает существующее положение» [5].

Вообще польско-российская политическая тема у Алданова раскрывается не только в связи с историческими – реальными деятелями, но и через художественные образы, поэтому несколько слов нужно сказать и о романе «Повесть о смерти» (1952–1953). По сюжету этого произведения польский революционер, романтический юноша Ян Виер, уже успевший после разгрома польского восстания 1830 года пожить в Париже и пообщаться с польскими эмигрантами, едет с тайной миссией на Украину. В разведку его направляет сам князь Адам. Именно в этом тексте Алданов «допускает» художественное «оформление» князя Чарторыйского: «Престарелый князь умел быть очарователен, когда хотел, и любил обольщать польских революционеров» [3, 128]. Вспомним: в очерке о знаменитом польском дипломате мы не слышим эпитетов и оценок, там даны только события и поступки, приведена реплика из романа Толстого. Здесь же гений хитрого политика передается разными средствами, в том числе через восприятие и поступки вымышленных героев, но в целом – Алданов повторяет оценку Толстого.

В образе Виера, мечтающего стать полководцем, освободителем родины, противоречий еще больше, чем у князя Адама. «Не патриотично» и происхождение: среди предков молодого человека есть португальский еврей, среди родных Виера много православных малороссов, и влюбляется он в украинскую девушку. Одно точно и определено: «Россию и русских Виер не любил» [3, 122]. Интересно, как персонаж относится к словесному творчеству: «Он отдавал должное и Пушкину, которого, по слухам, высоко ставил Мицкевич... Мицкевича же по-настоящему боготворил и знал наизусть едва ли не все им написанное. Пробовал и сам писать стихи, но почувствовал, что это не его дело. “Любовь к искусству при отсутствии талантов скорее печальная черта. Может быть, с этим связан мой интерес к политике и даже моя революционность”, – думал он иногда» [3, 123]. Любопытно, что Алданов для раскрытия этого вымышленного образа использует художественные средства, которые всегда полны ассоциаций, сравнений с великими людьми. Вот женщины очень любят глаза молодого революционера: «У него была привычка долго и пристально вглядываться в людей; тогда взгляд его казался холодным и тяжелым. Мужчин это раздражало: “Что это он изображает Николая I! Думает, верно, что всех видит насквозь, а на самом деле ровно ничего не видит, все от таких глаз отскакивает!”» [3, 124]. Среди лозунгов и фраз, которые он бросает при встречах с прогрессивно настроенной общественностью, есть те, которые бы мог декларировать Адам Чарторыйский: «Вопрос о независимости отдельных частей Российской империи лучше всего мог бы быть разрешен Всероссийским Учредительным Собранием, свободным изъявлением воли народа» [3, 156].

В другом произведении Алданов создает образ своего современника – другого великого поляка-патриота Юзефа Пилсудского. Этот очерк о воинственном освободителе поляков Алданов пишет тогда, когда маршал Польши еще жив и мог бы за писание по-своему отблагодарить очеркиста. Можно сказать, что Алдановым проявлена особая смелость, хотя для него создавать политические очерки при жизни вождей – Ленина, Сталина, Черчилля – обычное дело.

Современные российские исследователи отмечают и те зигзаги истории, которые связаны с судьбой Пилсудского: «Он создал “Польску Организацию Войскову”, по мере своих незначительных сил помогавшую австрийской армии. Весьма странно, что, оставаясь сторонником Франции, он активно воевал против ее союзника, на стороне ее врага...» [4, 206]. Его присяга на верность австрийскому

императору Францу-Иосифу лишь подчёркивает, как верно было отмечено Марком Алдановым, «слепую фанатичную ненависть к России», так же как его полнейшую социально-политическую беспринципность. Тем не менее благодаря его деятельности в ноябре 1916 года была провозглашена независимость Польши. Историками отмечался забавный парадокс: германское командование арестовало Пилсудского как русского шпиона, заточив в Магдебургскую крепость, где он пробыл около года. Сам того не желая, он получил статус политического заключенного, борца против германского империализма и убежденного социалиста-революционера. Пилсудский был во многом – как политический деятель – творением изменчивой прихотливой эпохи войн и революций, не деятелем, не работником, не представителем непрерывного поступательного труда, а баловнем случая.

Наши современники, причем как почвеннического, так и других мировоззренческих направлений единогласно хвалят Марка Алданова именно за те показательные наблюдения, которые делают возможными столь эффективные выводы. Так стало популярным алдановское наблюдение, что Пилсудский был, по всей вероятности, единственным человеком в мире, который в ходе Первой мировой войны был награжден высшими военными орденами обеими враждующими сторонами, сначала немцами, а потом – французами [5]. Но ко всему прочему, Марк Алданов писал: «Ни в одном другом государственном деятеле душевное раздвоение не сказывается так сильно, как в нем. Резкая перемена взглядов – самое обычное дело в политике. Но в маршале Пилсудском живут одновременно самые разные, как будто несовместимые настроения. По-видимому, сейчас над всем у него преобладает ненависть к парламентаризму и воля к единоличной власти» [2, 385]. Но в том-то и дело, что интуитивное следование случаю нарушало привычные схемы политического поведения, но неизменно приносило Пилсудскому успех. По собственному признанию маршала Польши, он применял в политике военную тактику, выбирая неожиданные для противников ходы и заставляя их врасплох, не согласуясь ни с какой политической программой («у меня ее нет», – говорил он). По мнению Алданова, Пилсудский жил «для Польши, для войны, для славы», а его жизнь особенно наглядно показывает, как «мало места занимают в современной политике принципы и как много места занимают в ней страсти» [2, 385].

А. А. Чернышев, рассуждая об очерках Алданова, написанных в 20–30-е годы, утверждает: «Интересными и значительными их делали раздумья автора о связи времен, неизменности человеческих характеров в различные эпохи, о случайности успеха и славы...»,

«знаменитости почти ничем не отличаются от простых смертных – они просто вытянули счастливый билет в лотерею» [7, 78]. Как очерки, так и роман показывают тщательную проработку Алдановым линии польской политической истории, его внимание и глубина понимания различных процессов, равно как и средства изобразительности, явно выходят за пределы беллетристики и обнаженной публицистики. Литературная работа Алданова тонка и отличается мировоззренческими позициями, желанием быть полезной грамотному и пытливому современнику.

Примечательно, что Алданов был увлечен в равной степени как историей знаменитого поляка-современника, так и судьбой польского аристократа, родившегося в конце XVIII века. А такое устойчивое обращение показывает, что Алданов и о власти, и о государственных российско-польских отношениях писал неслучайно. Дополняя Алданова, скажем: его представление о власти случая в истории искало проверки, но получило лишь дополнительную аргументацию в причудливых биографиях польских политиков. Проникая в глубины алдановской интерпретации, можно сделать выводы: случай возносит Чарторыйского и Пилсудского на гребень волны, случай может низвергнуть, случай помогает освобождению Польши, и по велению случая Польша является то врагом, то партнером России. Таково изображение судеб польских патриотов, которое родилось под пером писателя-аналитика, автора, размышляющего о самых знаковых фигурах в истории государства, ближайшего соседа России.

Литература

1. Алданов, М. Адам Чарторыйский в России / М. Алданов // Алданов М. А. Собр. соч.: В 6 кн. – М.: Новости, 1994. – Кн. 1: Портреты. – С. 51–82.
2. Алданов, М. Пилсудский / М. Алданов // Алданов М. А. Собр. соч.: В 6 кн. – М.: Новости, 1994. – Кн. 1: Портреты. – С. 355–386.
3. Алданов, М. А. Повесть о смерти / М. А. Алданов // Алданов М. А. Повесть о смерти. Бред. – М.: Гудьял-Пресс, 1999. – С. 23–408.
4. Баландин, Р., Миронов, С. Товарищ Сталин, Пан Пилсудский и «Независимая» Польша [Электронный ресурс] / Р. Баландин, С. Миронов // Наш современник. – 2004. – № 12. – С. 206. – Режим доступа: <http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2004&n=12&id=5>
5. Пасика, Эллан. Пилсудский и евреи (К 75-тилетию со дня смерти Юзефа Клементя Пилсудского) [Электронный ресурс] /

Э. Пассика. – Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer6/Pasika1.php>

6. Рыжкова, Н. С. Эстетические взгляды Марка Алданова [Электронный ресурс] / Н. С. Рыжкова; вступ. ст. // Алданов М. А. Из публицистического наследия. – Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ, 1999. – Режим доступа: http://samlib.ru/r/ryzhkova_n_s/cdocumentsandsettingsadminrabochijstolaldanowdoc.shtml

7. Чернышев, А. А. [Вступ. сл.] Исторические портреты. Адам Чарторыйский в России. Ольга Жеребцова / А. А. Чернышев // Наше наследие. – 1991. – № 4. – С. 78.

THE POLISH PATRIOTS IN MARK ALDANOV'S IMAGE

V. V. Shadursky

Abstract

Article analyzes two sketches of Mark Aldanov and fragments of his novel devoted to the Polish liberation. The article proves the depth and validity of conclusions made by Mark Aldanov in his literary work on the subject of Polish patriotism. Ways of characterization of historical figures of Czartoryski and Pilsudski in sketches “Adam Czartoryski in Russia”, “Pilsudski” are defined. The characteristic is given to the Polish patriot – the character of the novel “The Story about Death”.

Key words: Aldanov, Czartoryski, Pilsudski